Брюхатый поп

Был у нас, ну, скажем, как вы больше знакомы, — в Шуньге — жадный поп. Уж, знаете, по-крестьянски любят брюхо набить. А он так по-поповски. И то все дивовали. Кто к нему придет, корочки не даст, а сам за щеку прячет.

Ну вот праздновали в Шуньге. Он и пошел с крестом. (Это так у нас попы ходят.) Придет, лошадьим хвостом побрызжети гони ему чо-ле.

Ну, он куда придет: «Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?)» Все сам на стол заглядывает, помашет хвостом со святой водичкой. Кому в глаз, кому в лоб. А сам ногою топ-топ. К столу, значит, ближе. «Православные, живите дру-у-жно! (А к киселю молока нужно.)» — «Во имя отца и сына и святого духа! (А в рыбнике запеклась муха.)» — «Бойтеся греха и ада-а-а! (Покормить попа надо.)»

Да и насядет. Только скулы потрескивают. Рыбник, дак с костями, кисель с блюда слизом. Нажрется, дак пузо вздует. Ряса торчком стоит. «Мир дому сему, отныне и до века-а! (Накормили человка.)»

Да в нову избу.

Ходил это он до вечера. Нажрался зело, к душе подвезло. Он за брюхо схватился. Глаза закативши. А сам рукавом машет: «Нет бога святе-ей! (Запрягайте лошадей.)»

Его на дровни. Свалили и повезли. У нас каки дороги... Короста. Его и подпрыгивает. «Ох-ох-ох! Помогите, родимые! Помираю!»

А у него брюхо вспучило, ну не хуже как у тяжелой бабы.

А уж мать-попадья у тына стоит: «Что с тобой, батюшка?» — «Обрюхател, матушка». — «Ох-ох-ох! Нать за бабкой Маланьей бежать, обабит».

Бабка Маланья пришла попа направлять: «Здравствуй, батюшко, обрюхател?» — «Обрюхател. Не направишь ли?»

Она его и так и сяк и в бане парила. «Ничо, — говорит, — веретешком не поможет, рожать будешь». Тут поп завыл: «Куда я рожать?! Засмеют! Прогонят! Архиерей в синоде судить будет!» — «Нать потиху, из села

долой». — «Куды-ы я пойду?»

Ну, ночь пала. У попа воют. Собрала ему попадья шанежек да еще и говорит: «Иди, батюшка, из села. Сраму примешь».

Он и пойди. Идет да на брюхо косится. Шел это он леском-лединой. Лежит человек убитый. Он и: «Господи, помилуй И помоги-и! (А на нем хороши сапоги.)» Да давай с мертвяка сапоги тащить. А тот уж заколел. Сапоги нейдут. Поп взял да сапоги те с ногами отрезал. В сумку склал, дале идет.

Ну, уж время на полночь. Стоит изба. Он и — попросись ночевать.

Его запустили, он и лег на печь, сапоги под голову. И заспал. А У хозяев тех корова тельна была. Да в ту ночь отелилась. Они и взяли теленочка, чтоб не замерз, на печь поклали. Подле попа. Он ночью проснись — меж ногами мокро. Хтось помыкивает. «Свят, свят, свят, да я родил!»

От сраму скорей с печи да вон из избы. И котомку призабыл, и сапоги те!

Утресь хозяева выстали: «Иди, батюшка, щей хлебать». Ответу нет. Они на печь полезли, а там два сапога с ногами! Они и вопят: «Беда, наш теленок попа съел!»

Созвали деревню да того теленка и порешили. А ноги с сапогами зарыли, ведь батюшкины, священнейшего!

А тот поп и сейчас ходит. Может, брюхо-то сбавил.

(Зап. от П. Я. Белкова, д. Нефедово близ Шуньги, Заонежье.)

Сказки и предания Северного края. Запись, вступ, ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934.